

Командный состав русского войска в Ливонском походе 1577 г.

Аннотация. В статье анализируется логика подбора командного состава для «государева похода» в Ливонию летом-осенью 1577 г., приводятся сведения о служебном пути воевод накануне кампании, оценивается уровень их военного опыта, его роль при назначении на должность и соотношение с показателем знатности рода; на основании полученных сведений даётся оценка потенциала воеводского корпуса в деле руководства походной ратью.

Ключевые слова: Ливонский поход 1577 г., Ливонская война, Иван IV Грозный, московское войско, воеводы.

Title: The command personnel of the Russian army in the Livonian campaign of 1577.

Abstract. The article analyzes the logic of selecting command personnel for the “sovereign campaign” in Livonia in the summer-autumn of 1577, provides information about the career path of the voivodes on the eve of the campaign, evaluates their military experience, its role in appointment to a position and its relationship with the indicator of the nobility of the clan; an assessment of the potential of the command staff in leading the army is made.

Key words: Livonian campaign 1577, the Livonian war, Ivan IV the Terrible, the Muscovite army, voivodes.

Ливонский поход 1577 г. стал последним успешным военным предприятием, проведённым московским войском под прямым руководством Ивана IV. Отечественная историография оценивает его результаты как апогей продвижения Русского царства в Ливонии [6, с. 62; 7, с. 504; 11, с. 303-304].

В одной из своих статей современный историк А. И. Филюшкин констатирует чрезмерное внимание науки к дипломатическим, социально-политическим и экономическим аспектам борьбы за Прибалтику во 2-й пол. XVI в. в ущерб изучению самих боевых действий [9, с. 15-16]. Ранее его коллега Д. М. Володихин обозначил ту же проблему в отношении более узкой темы — вопросов подбора воеводских кадров в русском войске XVI в. [1, с. 3-4.]. В настоящей статье анализируется воеводский корпус в «государевом походе» 1577 г., что поможет оценить боеспособность царской рати, её возможность выполнять поставленные задачи в

Ежов, Тимофей Александрович — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st085229@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Филюшкин, Александр Ильич* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ezhov, Timofey Aleksandrovich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st085229@student.spbu.ru

Scientific adviser: *Filiushkin, Alexander Ilyich* — Dr. Sc. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

переменчивой военной обстановке. Ливонский поход принёс русским мало затруднений, и без достаточных знаний о квалификации полководцев сложно судить, как эта рать повела бы себя при столкновении с упорным сопротивлением врага, логистическими, климатическими и пр. проблемами.

Москва придавала мероприятию громадное значение (историки справедливо пишут о стремлении нанести решающий удар литовскому присутствию в Прибалтике [7, с. 501-502, 11, с. 298]). Доказательство тому — состав и структура войска, намеченные в феврале 1577 г. [4, с. 132-133]. Рать отвечала стандарту «государева похода», включив в себя 5 классических полков, элитный Государев полк и артиллерийский парк («наряд»). Численность армии достигала 30 тыс. чел. при 54 орудиях; непосредственную боевую силу составляли 16,5 тыс. служилых людей [5, с. 94-103]. Кому же предстояло распоряжаться такой мощью?

Полки (за исключением Государева) возглавляли следующие представители служилой аристократии:

- Большой — великий князь Симеон Бекбулатович Тверской; бояре кн. И. П. Шуйский, кн. В. А. Сицкий;
- Передовой — кн. Ф. И. Мстиславский, окольный кн. П. И. Татев;
- Правой руки — кн. П. Т. Шейдяков, боярин Н. Р. Юрьев;
- левой руки — кн. С. А. Черкасский, В. Л. Салтыков;
- Сторожевой — кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, кн. А. В. Репнин;
- наряд — окольный В. Ф. Воронцов, кн. С. И. Коркодинов [4, с. 132-133].

Определим их полководческий опыт накануне «государева похода». По времени первого назначения полковым воеводой всех указанных личностей можно разделить на 3 группы:

1) ветераны, побывавшие как минимум товарищами воевод до 1560 г.; к таковым относятся Сицкий (1559), Юрьев (1559), Татев (1560) [9, с. 1, 2];

2) относительно опытные командиры, временем первого воеводства тяготеющие к 1570 г.: Репнин (1568), Шуйский (1570), Шейдяков (1571), Симеон (1572) [9, с. 21, 24-25, 30, 31];

3) «новички», назначенные воеводами в 1573 г. и позже: Черкасский (1573; данные о реальных действиях рати отсутствуют), Воронцов (1573), Салтыков (1574; нет данных о действиях рати), Мстиславский (1576), Скопин-Шуйский (впервые назначен воеводой только в обсуждаемом походе), Коркодинов (аналогично) [9, с. 41, 46, 57, 60].

Данная классификация не даёт точного представления о потенциале командного состава, т. к. нельзя отождествлять длительность службы со способностями воеводы. Поэтому введём вторую систему координат

— участие в значимых кампаниях московского войска. Внимания здесь заслуживают события 1573 г. Это прежде всего победоносный «государев поход» на Пайду (Вейсенштейн); в него ходили 7 из 13 обсуждаемых воевод: «царь Саинбулат Бекбулатович» был первым воеводой Большого полка, князь П. Т. Шейдяков — его товарищем; Н. Р. Юрьев служил вторым воеводой Передового полка; князь И. П. Шуйский командовал Сторожевым полком; А. В. Репнин руководил ертаулом; В. Ф. Воронцов находился в Государевом полку среди стольников и стряпчих, а С. А. Черкасский числился там одним из голов [9, с. 36]. В кампании 1573 г. был достигнут ещё один замечательный успех: русские войска взяли крепость Каркус, ставшую затем резиденцией царского «голдовника» Магнуса. В рати, отправленной под город, помимо самого герцога находились князь Шейдяков и Юрьев [9, с. 38]. Саинбулату повезло меньше: при Коловери (Лоде) его рать потерпела поражение; И. П. Шуйский в той битве возглавлял Сторожевой полк [8, с. 219-220; 9, с. 39].

Помимо событий 1573 г. стоит упомянуть более раннюю и более знаменитую Молодинскую кампанию 1572 г. Из воевод в ней участвовали Иван Петрович Шуйский, Сторожевой полк которого принял первый удар Девлет-Гирея на Сенькином броде, и Андрей Васильевич Репнин, возглавлявший Левую руку; оба воеводы внесли лепту в разгром хана вместе с М. И. Воротыньским, Д. И. Хворостининым и др. [9, с. 35]). Из более поздних событий выделим взятие в 1575 г. города-порта Пернова в Эстонии. Этим успехом после Лоде реабилитировался теперь уже «Симеон» Бекбулатович, возглавлявший Большой полк; с ним в походе участвовали Н. Р. Юрьев (второй воевода Большого полка), А. В. Репнин (второй воевода Правой руки) и В. Ф. Воронцов (второй воевода Передового полка) [9, с. 48].

Уже накануне «государева похода» зимой 1577 г. была предпринята новая (неудачная) попытка овладеть Ревелем. Туда была направлена сильная пятиполковая рать с нарядом, возглавить которую поручили Фёдору Ивановичу Мстиславскому, сыну видного полководца ивановской эпохи [9, с. 57]. Интересно, что это большое назначение стало для молодого служилого человека первым в своём роде — Мстиславский прежде ни разу не командовал даже полком!

Такой случай показывает, что и участие в значимой кампании на высоком посту прямо не говорило о мастерстве и опыте полководца. Введём третью систему координат — критерий знатности. Здесь уместно привести тезис О. А. Курбатова, критически относящегося к анализу Д. М. Володихиным воеводской службы через принцип карьерного роста: историк утверждает, что первый воевода (особенно Большого полка) часто

был компромиссной фигурой, главенство которой не вызывало протестов у прочих воевод в силу несомненно высокого статуса. Этим Курбатов объясняет и назначения воевод-иностранцев (в нашем случае это Симеон, Шейдяков и Черкасский), которые в силу своего происхождения находились за рамками местнической системы [3, с. 9, 12]. Заметим, кстати, что товарищем Ф. И. Мстиславского в походе на Ревель стал опытный воевода И. В. Шереметев Меньшой, погибший под городом [8, с. 257, 262; 9, с. 57-58]; вероятно, на нём и лежало подлинное руководство ратью.

Отталкиваясь от принципа местничества, мы поймём, отчего боярин (с 1560 г.) Н. Р. Юрьев за годы службы почти ни разу не был первым полковым воеводой. Причина крылась в «породе»: Никита Романович не был князем, и на его высокое назначение могла последовать болезненная реакция прочих воевод. Так, А. В. Репнин и П. И. Татев — коллеги Юрьева по походу 1577 г. — ранее вступали с ним в местнические споры: один — во время похода на Пернов в 1575 г., другой — во время стояния Ивана IV с ратью в Калуге (1576); если в первом случае царю удалось «протолкнуть» воеводу, то в другом пришлось отозвать его в Москву [9, с. 48, 51]. Неудивительно, что и во время интересующей нас кампании боярин стал лишь заместителем начальника Правой руки.

Однако и вторых воевод могли подбирать из местнических соображений. Назначение князя Василия Андреевича Сицкого, судя по его предыдущей военной карьере, было основано на соображениях скорее статуса, нежели полководческих дарований. Ранее он назначался на престижные места в Большом (1559) и Государевом (1568, 1571, 1572) полках, обычно оказываясь там третьим, а то и четвёртым воеводой (даже получив боярский чин и войдя в опричнину) [9, с. 1, 2, 20, 26]. Побывать полноценным начальником над ратью или хотя бы полком ему не довелось ни разу. Более того, с начала 1570-х гг. наблюдается спад в почётных «посылках»: воеводу часто направляли в Сторожевой полк, причём лишь вторым воеводой (!), что было едва ли достойно боярского чина [9, с. 32, 39]. Настоящим «пробитием дна» стала постановка князя «у наряду» в 1575 г. когда его товарищ — некий Михайло Долматович Карпов — ещё и «бил челом» о том, что ему с боярином (!) Сицким «в меньших быть невместно» [9, с. 51]. Тут могла иметь место опала, снятая лишь ко времени похода 1577 г., в котором Сицкий получил первое за 5 лет престижное назначение. Но даже помимо фактора опалы отсутствие у воеводы опыта высшего руководства очевидно. Вероятно, крупные силы не доверялись ему именно из-за слабых полководческих качеств.

Перейдём к выводам на основе проведённого разбора. Командный состав для Ливонского похода 1577 г. подбирался на основе традици-

онных для московского войска того времени критериев — «породы» и опыта; игнорировать первый было нельзя в силу особенностей иерархии русской аристократии, поставившей царю воевод; второй учитывался для уверенности в благополучном исходе дела. Поэтому, с одной стороны, малоопытный Ф. И. Мстиславский стоял во главе Передового полка, тогда как ветеран Н. Р. Юрьев «приютился» вторым воеводой Правой руки, с другой стороны, Большой полк поручался несомненно знатным Симеону Бекбулатовичу и И. П. Шуйскому, которые отнюдь не были дилетантами в ратном деле, а «необстрелянного» на воеводских постах В. Ф. Скопина-Шуйского «страховал» опытный А. В. Репнин.

При этом средний стаж воевод оставлял желать лучшего: «ветеранов», командовавших полками ещё с начала борьбы за Прибалтику, было всего трое; из них лишь боярин Никита Романович несомненно являлся умелым полководцем. «Когорта 70-х» же была представлена людьми, которых Д. М. Володихин справедливо относил ко «второму и третьему составу» относительно полководцев более ранних лет вроде И. Д. Бельского или М. И. Воротынского [1, с. 28, 32]. Исследования историка показывают, что к 1577 г. воеводский корпус Московского государства из-за репрессий и боевых потерь понёс невосполнимый ущерб [1, с. 24-26]. Так что местнический критерий в подборе воевод в 1577 г. прослеживается куда отчётливее, чем критерий опыта; примером служит дуэт С. А. Черкасского и В. Л. Салтыкова: военная карьера обоих не впечатляла, и вряд ли кто-то из них мог «страховать» другого от неудач. О навыках воевод косвенно говорит и их дальнейшая судьба: В. А. Сицкий, В. Ф. Воронцов и П. И. Татев в 1578 г. будут разгромлены под Венденом, причём первые двое погибнут; фактором поражения станут долгие местнические споры [9, с. 66-67]. Хорошо проявят себя И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин-Шуйский — в 1581 г. они защитят Псков от армии Стефана Батория [9, с. 74] (правда, оборона крепости по характеру и сложности отличается от дальнего похода).

Таким образом, анализ командного состава (ограниченный форматом статьи и потому не слишком подробный) показывает, что слабость немецких и литовских гарнизонов в Ливонии в 1577 г. оказалась удачей для русского войска, обладавшего подавляющим превосходством в силах. В противном случае, особенно при столкновении в поле с более-менее равным противником, успешный для Москвы исход похода мог оказаться под большим вопросом.

Список использованных источников и литературы

1. Володихин Д. М. Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы

- научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 1-41. URL: <http://www.milhist.info/2012/12/06/volodixin> (дата обращения: 02.11.2023).
2. *Гейденитейн Р.* Записки о Московской войне (1578-1582). СПб., 1889. LXXXVI, 327 с.
  3. *Курбатов О. А.* Отзыв на статью Д. М. Володихина «Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV» // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. II. Дискуссия. С. 1-20. URL:).
  4. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного, в 1577 и 1578 годах // Военный журнал. СПб., 1852. № 1. С. 131-146.
  5. Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного, в 1577 и 1578 годах. Продолжение // Военный журнал. СПб., 1852. № 2. С. 89-105.
  6. *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582). СПб., 1904. 360 с.
  7. Послания Ивана Грозного / подгот. *Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье* под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951. 715 с.
  8. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. 640 с.
  9. Сибирский сборник. Часть историческая. Т. I / предисл., изд.: *П. А. Н. Языковы, А. Хомяков и Д. Валуев*. М., 1844. 223 с.
  10. *Филошкин А. И.* Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки) // Российская история. М., 2015. № 4. С. 3-17.
  11. *Филошкин А. И.* Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579-1582) // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. Ч. II. С. 292-398.

Для цитирования: *Ежов Т. А.* Командный состав русского войска в Ливонском походе 1577 г. // Ноябрьские чтения – 2023. Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. СПб., 2024. С. 418– 423.